

А. И. РОБАКИДЗЕ

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПЕРЕЖИТКАХ КУЛЬТА РЫБЫ

(По материалам Триалетской этнографической экспедиции)

Цалкинский район Грузинской ССР, расположенный в верховьях р. Храми, составляет часть исторической Триалети. Археологический материал и письменные источники наглядно свидетельствуют о крупной роли этой области в тысячелетнем процессе формирования грузинской культуры. Исторические невзгоды XVIII в., а особенно постоянные нападения турок, привели эту территорию почти к полному опустошению¹. В тридцатых годах XIX в. на указанную территорию были водворены выходцы из Эрзерумского вилайета, по конфессиональному признаку объединяемые под названием урумы. Этнически разнородные триалетские урумы (грузины, армяне, греки), как это установлено Г. С. Читая, состоят из «гюмишханцев», «пасенов», «овов» и «кро», среди которых первые две группы — выходцы из древних грузинских провинций Басиани и Халдеи; они надолго сохранили традиции и элементы грузинской культуры, что было выражено в ношении грузинского женского головного убора «дабла», в почитании до недавнего прошлого древнегрузинской рукописи четырехглава, в сохранении легенды о происхождении этой рукописи и др.² Среди триалетских урумов оказались также грузины — лазы, и здесь поддерживающие славу искусных мастеров по обработке дерева³. Пришедшие в Триалети урумы застали здесь памятники материальной культуры, которые, как бы отвечая их верованиям и обычаям, сделались объектами почитания (то же самое, кстати сказать, произошло и с оставленными здесь грузинскими маслодавильнями, которые в хозяйственных целях по настоящее время используются урумами). Таким образом, этнографический быт современного населения Цалкинского района представляет собой сложный комплекс этнических и культурно-исторических связей, выяснение и объяснение которых не по плечу одной работе.

Настоящее сообщение имеет целью лишь публикацию некоторых наблюдений над пережитками, связанными с культом рыбы, и попытку определения культурно-исторической значимости материалов, собранных по данному вопросу Триалетской этнографической экспедицией 1936 г., работавшей под руководством ныне члена-корр. Академии наук Грузинской ССР Г. С. Читая.

В этнографическом быту триалетских урумов засвидетельствован пережиточный материал, указывающий на значительное место рыбы в бытовавших ранее верованиях и обычаях. Так, например, если женщина после замужества не имела потомства, ее кормили высушенной на огне или солнце форелью, перемолотой в виде муки и с примесью некоторого количества меда (селения Дарагеф, Таш-Баш). Более радикальным средством считалось использование форели в живом виде. В этом случае форель малого размера вкладывали в vulva, причем в сел. Дарагеф рыбе приписывалась способность непосредственного оплодотворения, в то время как в сел. Таш-Баш, Гумбет, Едикилиса она была наделена свойством преодолевать какое-то препятствие, мешающее оплодотворению женщины. В некоторых местах (сел. Гуниа-Кала) в тех же целях и таким же способом применялась голова вареной или сырой форели, облепленная овечьим салом и древесной смолой. При гнойном воспалении грудных сосцов заболевшей прикладывали разрезанную пополам сырую форель (сел. Гуниа-Кала). При рахите или иных заболеваниях ребенка купали в лохани, в которую помещали живую рыбу. При прекращении или уменьшении молока у кормящей грудью ее питали опять-таки форелью, сваренной на воде без соли (сел. Дарагеф, Гумбет, Едикилиса). То же средство и в тех же целях применялось и в сел. Гуниа-Кала, Таш-Баш, Санамер, где указанным способом лечили не только женщин, но и коров. Широко практиковалось прикладывание сырой форели, разрезанной пополам или мелко рубленной, к опухоли, к местам перелома, вывиха и т. д. (сел. Гуниа-Кала, Санамер, Гумбет). Кормление вареной форелью при желудочно-кишечных за-

¹ Е. Такайшвили, Археологические экскурсии, разыскания и заметки. Тифлисская губерния, Борчалинский уезд, Триалетское приставство, СМОМПК, XLIII, стр. 3—4.

² Г. Читая, Триалетские (цалкинские) урумы (резюме, рукопись).

³ Г. Читая, Мотив древа жизни в лазском орнаменте, «Известия ИЯИМК», т. X, Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).

болеваниях было также широко распространено. Заболевшим водянкой давали глотать маленьких форелей в живом виде (сел. Гумбет), исходя из того представления, что рыба прорвет мешочек, содержащий воду, и освободит больного от недуга. Аналогичным способом «лечили» и коров, заболевших опухолью в горле. К данной категории фактов относятся и маленькая церковь в сел. Голианк с пристроенным водохранилищем, в котором помещались табуированные рыбы (тоже форель). В воде из этого бассейна купались бездетные женщины, надеясь этим путем приобрести способность деторождения. Этой же водой при засухе окроплялась земля в надежде на дождь, оплодотворяющий землю. Г. С. Читая зафиксировано (сел. Санамер) пред-

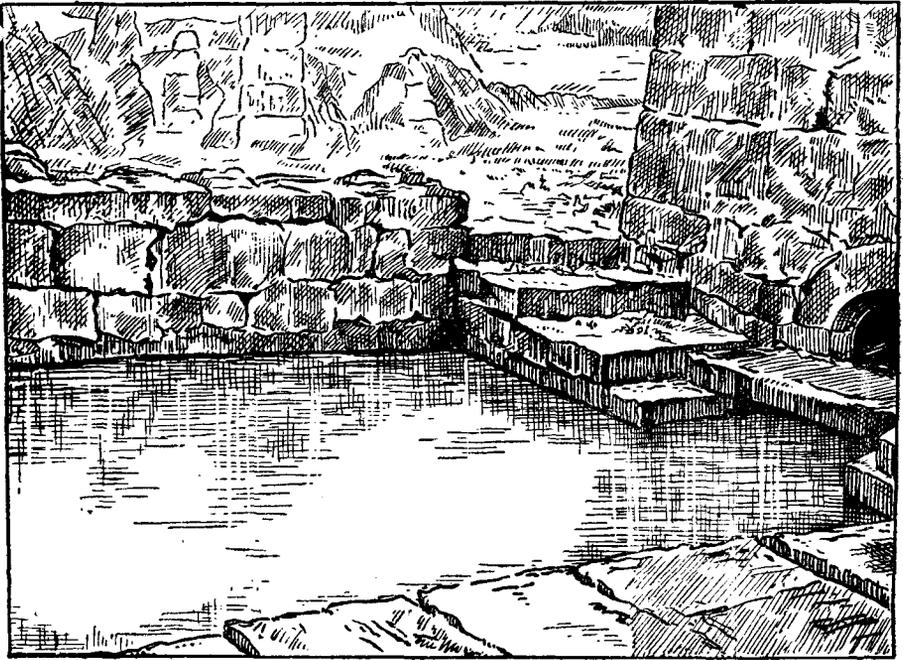

Рис. 1. Бассейн голианкской церкви (по материалам Триалетской этнографической экспедиции)

ставление о существовании матери рыб, говорящей человеческим языком; голос ее пугал рыбаков и заставлял их удалиться от места ее обитания. Обряд захоронения рыбы, отмеченный проф. Ш. Амиранашвили в сел. Голианк, относится к наиболее выразительным фактам, говорящим о большом культовом значении рыбы в этнографическом быту местного населения.

Часть вышеприведенных этнографических данных (кормление вареной форелью при различных заболеваниях) бесспорно содержит элементы реально-целебного значения и в качестве таковой составляет предмет специального исследования. Другая же часть этих данных, имеющая явно магическую окраску и рассматриваемая в свете осмысления их триалетскими урумами, приводит нас к выводу, что в представлениях населения указанного района, независимо от его этнического состава, рыба когда-то являлась носителем оплодотворяющего начала; она символизировала и физическую силу; вместе с тем, в определенных случаях эта рыба считалась табуированной.

В этнографии Грузии можно обнаружить ряд пережиточных явлений, отражающих аналогичные представления о рыбе. К этому ряду этнографических данных в первую очередь относятся орнаментированное женское нижнее белье из Каргли. Господствующее место рыбы в орнаментации этого элемента женской одежды, обычно закрытого от постороннего глаза, не оставляет сомнения в ее магическом значении оплодотворяющего начала⁴. Наглядно иллюстрируется идея связи рыбы с деторождением на примере обычая мегрелок, носящих на животе части рыбы с целью облегчения родов⁵.

⁴ Коллекция отдела этнографии Музея Грузии имени акад. С. Н. Джанашиа, №№ $\frac{7-20}{1}$ и $\frac{60-12}{2}$.

⁵ С. Макалатия, История и этнография Мегрелии, Тбилиси, 1941, стр. 271 (на груз. яз.).

Рыба в качестве символа плодородия обнаруживается и в примете кахетинцев, согласно которой землетрясение якобы предвещает хороший урожай, так как оно происходит от пошатывания чудовищной рыбы, на которой, по поверью кахетинцев, держится земля⁶.

Определенное место занимает изображение рыбы в качестве древнейшего элемента и в хевсурском орнаменте («Тевзис зурга») ⁷. Первоначальная семантика этого орнаментального мотива уже вскрыта в исследовании Г. Читая, в котором изображение рыбы трактуется как элемент, символизирующий оплодотворяющее начало ⁸. Подобная орнаментация («Тевзипхури чрели») засвидетельствована и в Кахетии ⁹. Здесь, очевидно, этот орнамент, так же как и хевсурский, служил тем же магическим целям.

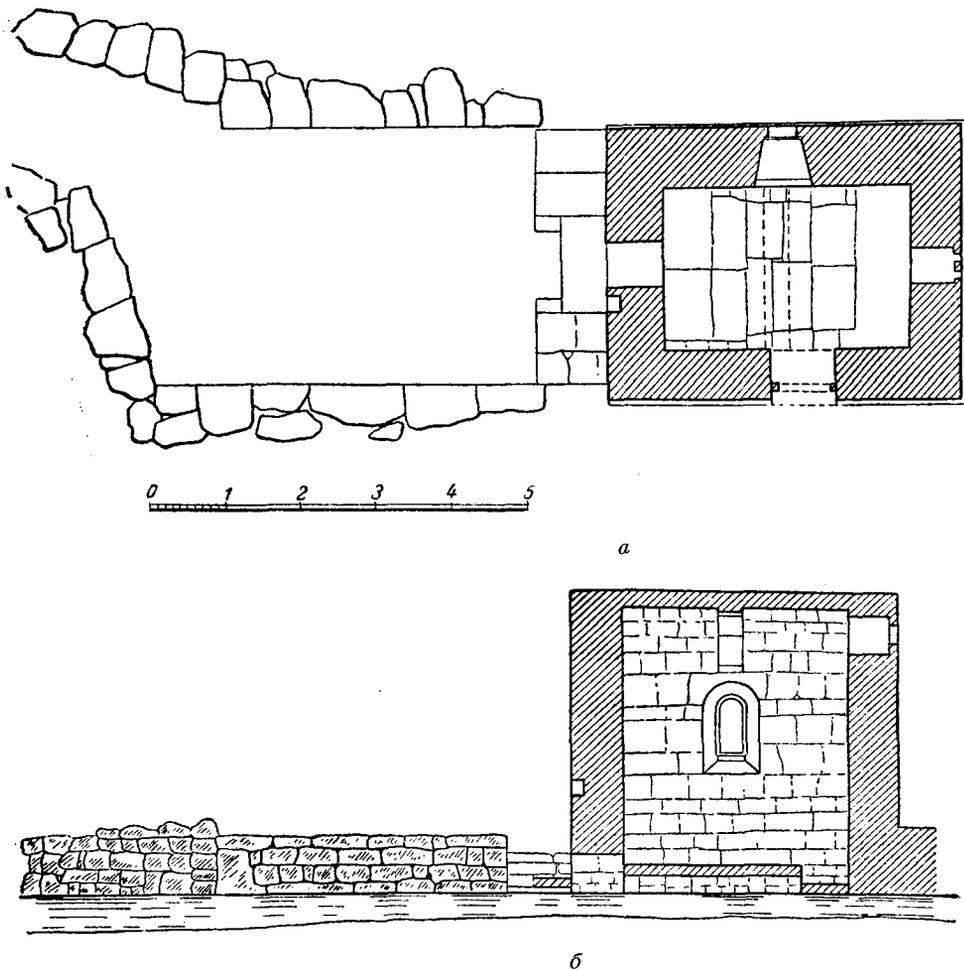

Рис. 2. Голианкская церковь (по материалам Триалетской этнографической экспедиции): а — план; б — разрез

Засвидетельствованный в Тифлисе факт «лечения» при воспалении грудных желез прикладыванием рыбьей икры ¹⁰ полностью совпадает с аналогичными данными из Триалети и, повидимому, также находится в определенной связи с идеей оплодотворяющего начала в виде рыбы (в данном случае части ее).

⁶ И. Степанов, Приметы и поверья грузин Телавского уезда, Тифлисской губернии, СМОМПК, XIX, стр. 78.

⁷ В. Бардавелидзе и Г. Читая, Грузинский народный орнамент, I, Хевсурский, Тифлис, 1939, стр. 53.

⁸ Г. Читая, Мотив древа жизни в лазском орнаменте, стр. 319.

⁹ С. Ментешашвили, Словарь кизикского диалекта, Тбилиси, 1943 (на сл. «тевзипхури чрели»).

¹⁰ Минжевич, Медицинские средства из царства животных, употребляемые по преимуществу в народной медицине..., Медицинский сборн., Тифлис, 1899, № 62, стр. 104.

Ярко выраженные пережитки культа рыбы проявляются и в представлениях имеретин о божестве рыб Ларса¹¹. В соответствии с этими представлениями имеретинские рыбаки после первой рыбной ловли произносили магическое «асаса» и ставили под куст в честь Ларса сосуд с вином. Аналогичный обряд жертвоприношения после

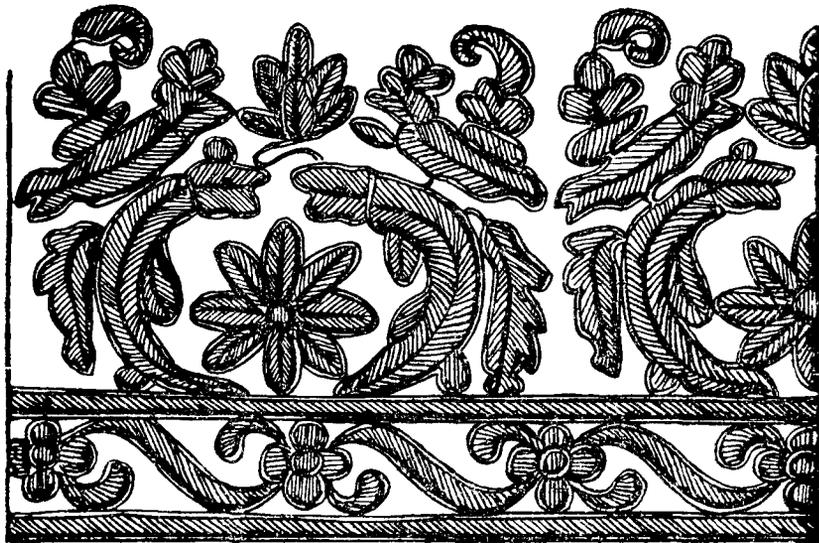

Рис. 3. Орнамент женского «шеидиши» из Карталинии (по материалам Музея Грузии)

Рис. 4. Орнамент женского «шеидиши» из Карталинии (по материалам Музея Грузии)

рыбной ловли засвидетельствован Ламберти в прибрежной Мегрелии, где в качестве жертвы в честь св. Георгия приносились воск и серебряные деньги¹².

Вместе с тем в быту грузин отмечены и факты отрицательного отношения к рыбе. Население Цхал-цительского бассейна, по словам Г. Радде, «рыбам, в ней (р. Цхал-

¹¹ Г. Читая, Этнографическая экспедиция в Имеретии, «Известия ИЯИМК», т. II, в. 3, Тбилиси, 1937, стр. 339 (на груз. яз.).

¹² А. Ламберти, Описание Колхиды, СМОМПК, XLIII, стр. 164.

цителя.— А. Р.) ловимым, приписывает единственную причину лихорадки»¹³. По свидетельству А. Зиссермана, «в Арагве и Аргуне есть много форели и лососины; но хевсуры до них не охотники»¹⁴. В Сванетии, как указывает и Н. Дмитриев, взрослые занимаются рыбной ловлей лишь по требованию приезжих¹⁵. И в верховьях р. Кса-

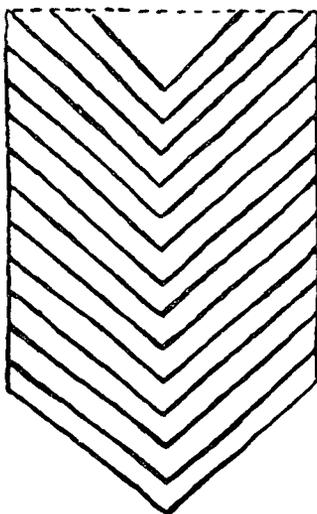

Рис. 5. Хевсурский орнамент «тевзис зурга»
(по Г. Читая и В. Бардавелидзе)

ни¹⁶, так же как и М. Лиаквы¹⁷, жители избегают есть рыбу, считая ее причиной заблуждения лихорадкой. По свидетельству М. Джанашвили, абхазец ненавидит раков

Рис. 6. Надкамниная плита из Дагестана (по Башкирову)

и «прежде не любил также и рыбы»¹⁸. Повидимому, мы имеем здесь дело с установкой, возникшей на основе почитания рыбы и связанной с ней табуацией. Аналогичные

¹³ Г. Радде, Путешествие в Мингрельских Альпах, ЗКОРГО, VI, стр. 25.

¹⁴ А. Зиссерман, Очерки Хевсурии, «Кавказ», 1851, № 22.

¹⁵ Н. Дмитриев, Из быта и нравов жителей вольной Сванетии, СМОМПК, XXII, стр. 71; Д. Бакрадзе, Сванетия, ЗКОРГО, VI, стр. 45.

¹⁶ А. Робакидзе, Из дневника Ксанской этнографической экспедиции 1938 г.

¹⁷ А. Робакидзе, Из дневника этнографической экспедиции 1946 г. в ущелье М. Лиаквы.

¹⁸ М. Джанашвили, Абхазия и абхазцы, ЗКОРГО, XVI, стр. 17.

примеры табуации рыбы в Малой Азии¹⁹ и приводимые ниже соображения о древности указанных представлений утверждают нас в этом мнении.

В связи с указанными пережитками небезынтесный материал можно почерпнуть и из северокавказской этнографии. Аналогию, в частности, имеретинскому божеству Ларса мы находим у черкесов в виде божества воды Кодес²⁰; более близкую параллель можно обнаружить в осетинском божестве рыб Донбетер, которое, по представлению осетин, «живет в воде, владеет рыбой и ему молятся рыбаки»²¹. Наиболее ярко рыба как символ начала жизни выступает на надкамнинной плите из Дагестана, на которой древо жизни представлено в виде рыбы²², а не обычного в аналогичных случаях растения. В иной связи ассоциируются изображения рыб на колхидских (кобанских) бронзовых топорах²³. Быть может, эти изображения были наделены способностью увеличить ударную силу топора, и в этом случае мы имели бы парал-

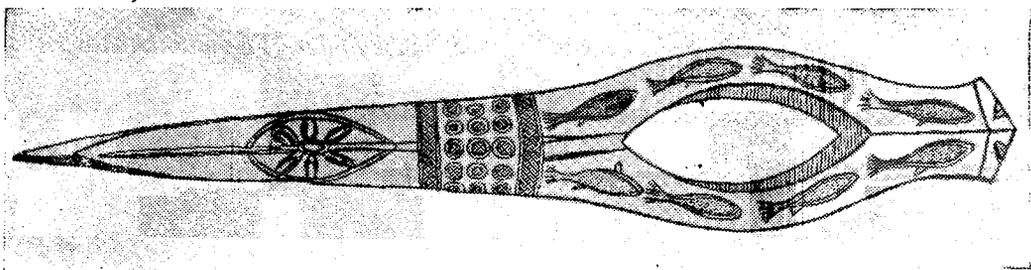

Рис. 7. Кобанский бронзовый топор (по Уваровой)

лель с аналогичным представлением триалетских урумов, но несколько в ином контексте. Если же разделить мнение Е. Кагарова, согласно с мнением Э. Мейера, о том, что топор — это «могущественный талисман, ниспосылающий плодородие и потому часто употребляемый в брачном ритуале»²⁴, изображение рыбы на топорах получит осмысление, полностью совпадающее с идеей плодородия, облеченной в форму рыбы.

Вопрос о каменных рыбах-вишапах, которыми насыщены южные районы Армении и Грузии, достаточно разработан в литературе, и положения Н. Марра и Я. Смирнова о том, что на Кавказе рыба с древнейших времен была связана с культом, не вызывают сомнения²⁵. Культовое значение каменных рыб в качестве символов плодородия также едва ли может быть оспариваемо: помимо всего остального, об этом говорят свежие следы жертвоприношений и назначение их.

В связи с осмыслением вышеприведенных этнографических материалов из Триалети и для установления культурно-исторической преемственности особое значение приобретает признание каменных рыб-вишапов за продукт творчества местного населения и отнесение этих памятников к доурартской эпохе²⁶.

Учет указанных выше сравнительных данных приводит нас к следующему выводу: этнографический быт грузин и других народов Кавказа содержит яркий пережиточный материал, подтверждающий предположение о наличии в прошлом быту этих народов культа рыбы. Этот культ нашел свое конкретное отражение в представлении о божестве рыбы (Ларса, Донбетер, Кодес); табуированная рыба из сел. Голианк,

¹⁹ Е. Кагаров, *Культе фетишей растений и животных в древней Греции...* СПб., 1913, стр. 299.

²⁰ Л. Люлье, *Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкес*, ЗКОРГО, V, стр. 126.

²¹ В. Миллер, *Осетинские этюды*, ч. 1, М., 1881, стр. 294.

²² А. Башкиров, *Искусство Дагестана*, М., 1931, табл. 37.

²³ П. Уварова, *Могильники северного Кавказа*, МАК, вып. VIII, М., 1900, рис. 11 и др.

²⁴ Е. Кагаров, *Культе фетишей растений и животных в древней Греции...* стр. 45—46.

²⁵ Н. Марр и Я. Смирнов, *Вишапы*, «Труды ГАИМК», т. I, 1931; см. также: И. Мещанинов, *Каменные статуи рыб — вишапы на Кавказе и в Северной Монголии*, ЗКВ, т. I, 1925; Л. Меликсет-Беков, *Мегалитическая культура в Грузии*, Тб. 1938 (на груз. яз.); Л. Меликсет-Беков, *Вишапы и вишапоиды Грузии*, «Краткие сообщения ИИМК», XV, 1947; Б. Пиотровский, *Вишапы*, Л., 1939; В. Миханкова, *Вишапы*, «Сообщения ГАИМК», 9/10, 1931; М. Абебян, *Вишапы как статуи богини Астхик Держато, Ереван, 1941* (на арм. яз., с резюме на русском); ожидается публикации на русском языке ценное исследование Г. А. Капанцяна, представляющее большой интерес в связи с данной проблемой.

²⁶ И. Мещанинов, *Каменные статуи рыб — вишапы на Кавказе и в Северной Монголии*, ЗКВ, т. I, 1925, стр. 402—403.

счевидно, попадает в круг тех же представлений. Одна из основных и почти повсеместно распространенных магических функций рыбы — оплодотворение с вытекающими отсюда многобразными формами применения рыбы (живая и переработанная рыба, часть рыбы или ее изображение).

Привлечением нового сравнительного материала намечается возможность представить культ рыбы как общее для народов Кавказа переживание с конкретными особенностями, характеризующими отдельные районы распространения этого культа.

Корни разбираемого культа восходят к глубокой древности и берут начало, по-видимому, от божества водной стихии Еа, третьего члена ведущей триады шумерского пантеона. Согласно этой концепции, Еа представляли в виде человека-рыбы²⁷,

Рис. 8. Изображение мифического человека-рыбы (по Гётце)

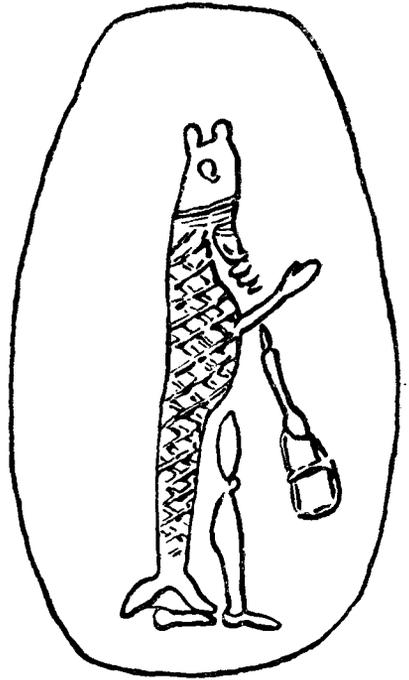

Рис. 9. Изображение Еа (по Рошеру)

основой чему, как известно, послужило исключительное значение рыбы в хозяйстве древнего Двуречья. Одно из ранних изображений этого божества полностью согласуется с описанием Еа, данным Берозом²⁸. С хвостом рыбы, вместо человеческих конечностей, представлено это «мифологическое существо» и на хурритских памятниках искусства, относимых А. Гётце к верхнемесопотамской культуре²⁹.

Среди основных функций этого божества (мудрость, могущество и т. д.) первенствующее место занимает способность сотворять человека³⁰. Неотъемлемым атрибутом его является и способность исцеления. Изображение «рыбopodobного Еа» у кровати больного ребенка — одно из проявлений этой способности Еа, его магической силы, направленной против злого демона детоубийцы Лабарту³¹. В связи с этим представлением рыбьим и рыбо-человеческим изображениям в древнем Двуречье приписывалась магическая сила защиты человека от злых духов вообще³². В интересующем нас аспекте привлекает внимание и почитание божества рыбы, которым можно было бы объяснить практику табуирования, распространенную на храмовых рыбах.

²⁷ Roscher, *Lexicon der griechischen und römischen Mythologie*, т. III, стр. 578.

²⁸ Там же, рис. 4.

²⁹ A. Götze, *Hethiter, Churriter und Assyrer*, Oslo, 1936, стр. 82, рис. 30.

³⁰ Roscher, *Указ. раб.*, стр. 586.

³¹ B. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, Bd. II. Heidelberg, 1924, стр. 56.

³² Там же, т. I, Гейдельберг, 1920, стр. 25.

Представление о божестве — рыбе — находило свое практическое отражение и в строительстве храмов. В храмовой ограде, согласно шумерской традиции, пристраивали бассейн, который «знаменовал собой водную стихию, область бога Еа»³³. В бассейне, принадлежащем божеству водной стихии, как правило, находились живые рыбы³⁴. Эта традиция была воспринята и ассирийцами. Лукиан, описывая ассирийский храм Деркетто, указывает на храмовый бассейн, содержащий живых рыб³⁵. Эта конкретная идея устройства при храме бассейна с живыми рыбами находит свой отголосок в вышеуказанной голианкской церкви.

Разыскивая параллели кавказскому этнографическому материалу, нельзя обойти сообщение Геродота об одном из способов изготовления «тремя коленами халдеев» муки из рыбьего мяса, впоследствии выпекаемой в качестве лепешек³⁶. Об этом же свидетельствуют хозяйственные документы южного Двуречья, указывающие на муку, изготовляемую из рыбы, которая шла в пищу крупному и мелкому скоту³⁷. Этот способ изготовления рыбы — тогда одного из основных продуктов питания, как мы убедились выше, применялся триалетскими урумами в качестве магического средства, якобы способствующего деторождению.

При установлении этого ряда культурно-исторических параллелей особое значение приобретает и дагестанская надкамнинная плита. Анализ соответствующих мест из эпоса «Гильгамеш» приводит исследователей к выводу, что уже во времена создания этого эпоса элемент древа жизни входил в культ божества — рыбы³⁸.

Таким образом, при сопоставлении этнографических реалий народов Кавказа с данными из исторической этнографии по вопросу, затронутому в этом сообщении, обнаруживается сходство не только по линии общей идеи божества, воплощенной в форму рыбы; аналогии этому мы могли бы найти и в быту других народов. Важнее, что анализ сопоставляемого материала, разложенного на отдельные составные части, обнаруживает почти полное тождество по таким существенным и в то же время конкретным элементам, как основные функции божества: оплодотворение и средство защиты. Наряду с этим одно из материальных выражений этой идеи в виде храмовых бассейнов с живыми табуированными рыбами, а также способ изготовления рыбной муки (хотя и в различных целях) придает вышеуказанному сходству конкретный культурно-исторический смысл, проливая свет на некоторые стороны вопроса об истоках и путях развития этого культа³⁹.

От редакции. Во время печатания настоящей статьи к нам поступила другая статья (П. Г. Акритас), на ту же тему, намеченная к опубликованию в одном из ближайших номеров нашего журнала.

³³ Б. Тураев, История Древнего Востока, т. I, СПб., 1911, стр. 136

³⁴ В. Мейснер, Указ. раб., т. I, стр. 303.

³⁵ Лукиан, Ассирийская богиня, Собр. соч., т. II, М.—Л., 1935, стр. 280.

³⁶ Геродот, История в девяти книгах, М., 1888, § 220.

³⁷ И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флитнер, Очерки по истории техники Древнего Востока, М.—Л., 1940, стр. 41—42.

³⁸ Roscher, Указ. раб., стр. 582.

³⁹ Настоящее сообщение заслушано на заседании отдела этнографии Института истории им. И. А. Джавахишвили Грузинской ССР 29 ноября 1947 г. Пользуюсь случаем принести глубокую признательность Г. С. Читая за любезно предоставленное мне резюме своей работы «Триалетские (цалкинские) урумы» в рукописи, а также благодарность архитектору И. Н. Цицишвили и художнице Н. П. Браилашвили, первому за выполнение плана и разреза голианкской церкви по чертежам архитектора В. Л. Цилосани, а второй — за рисунок с фотографии той же церкви.